

Russian and Foreign History: Sources Источники по отечественной и зарубежной истории

DOI [10.31162/2618-9569-2019-12-2-373-387](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-373-387)

УДК 929+94(470.67)«1859»:355.486

Original Paper

Оригинальная статья

Наиб Байсунгур из Беноя: современные мифологемы и исторические реалии

П. И. Тахнаева

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8830-5444>, e-mail: ptakhnaeva@gmail.com

Резюме: в статье рассматривается одна из важных и неисследованных страниц военной биографии чеченского наиба времен Кавказской войны Байсунгура из Беноя (1794–1861) – о его пребывании на Гунибе в августе 1859 г. и присутствии при пленении имама Шамиля. Этот эпизод в последнее время стал предметом различных научных и идеологических спекуляций. Автор привлек массив опубликованных исторических источников, часть которых ранее в исследовательской практике активно не использовалась; их успешно дополняют архивные исторические свидетельства, выявленные и проанализированные автором в фондах Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Государственного архива Калужской области, Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания и др. Находясь в постоянном диалоге с историческими источниками различного происхождения, автор задает вопросы, сравнивает их «показания», что позволяет подробно реконструировать хронику последних месяцев и дней государства Шамиля в контексте военно-политического положения на Кавказе в 1859 г. Анализ многочисленных местных письменных арабоязычных источников, военно-штабных документов русской армии убедительно свидетельствует об отсутствии наиба Байсунгура на Гунибе в августе 1859 г., проводит грань между аргументированным историческим знанием и воображаемыми домыслами.

Ключевые слова: август 1859 г.; Беной; Гуниб; имам Шамиль; история Чечни; Кавказская война (1817–1864); наиб Байсунгур

Для цитирования: Тахнаева П. И. Наиб Байсунгур из Беноя: современные мифологемы и исторические реалии. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):373–387. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-373-387.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Naib Baysunghur of Benoy: modern myths and historical facts

P. I. Takhnaeva

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8830-5444>, e-mail: ptakhnaeva@gmail.com

Abstract: the article deals with one of the most important and at the same time completely events in the biography of Baysungur of Benoy (1794–1861), the Chechen Naib during the Caucasian War of the 19th cent., namely his stay at Ghunib (August 1859) and his personal presence at the capture of Imam Shamil. This episode has recently attracted much attention and became a subject of various speculations both with a scholarly and ideological background. The author based her research on a wide array of hitherto unknown as well as already published documents. The latter, however, have not received enough attention. The unpublished sources originate from the Russian State Military Historical Archive (Moscow), the State Archive of the Kaluga Region, the Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania, etc. This cornucopia of rich historical data allows her to reconstruct in detail the very last period of the Imam Shamil State and to successfully put it within the framework of the and political situation in the Caucasus in 1859. A detailed analysis of numerous local sources, which are written in Arabic and directly originate from the Imam Shamil environment as well as the papers from the headquarters of the Russian Imperial Caucasian Army leads to a convincing conclusion regarding the whereabouts of Naib Baysungur in August 1859. It proves that at that time he was definitively away from Ghunib.

Keywords: War, Caucasian (1817–1864); Chechen Republic, history of; Imam Shamil (1797–1871); Naib Baysungur of Benoy; Ghunib

For citation: Takhnaeva P. I. Naib Baysunghur of Benoy: modern myths and historical facts. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):373–387. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-373-387.

Введение

В современном четырехтомном академическом издании «Истории Чечни» (2013) легендарный чеченский наиб Байсунгур Беноевский (1794–1861) представлен «известным наибом Беноевского общества» времен Кавказской войны, человеком, обладавшим «большим влиянием на других участников антиколониальной борьбы народов Северного Кавказа, включая имама Шамиля» [1, с. 395]. Здесь же авторы без каких-либо ссылок на источники пересказывают сюжет, который стал «классическим» в биографии легендарного наиба, не единожды воспетый писателями (П. Павленко [2], А. Айдамиров [3], М. Гасаналиев [4]), бардами (Т. Муцураев «Наиб Байсунгур», «Гуниб»; И. Алимсултанов «Гуниб», «Пленение имама Шамиля») и живописцами (Э. Сапаров «Гуниб (прорыв)», У. Мижев «Байсангур Беноевский» (2002), Х. Исаев «Раздор») – Байсунгур, находясь в осажденном Гунибе, бросает

в спину «сдающегося в плен» имама упреки в трусости, проклятия, прорывается сквозь цепь солдат и покидает Гуниб с целью продолжить борьбу. Авторы «Истории Чечни» писали: «Когда 25 августа 1859 года в Гунибе имам Шамиль сдался в плен, неистовый Байсунгур, потерявший в боях руку и ногу, отказался признать капитуляцию и удалился в родной аул, чтобы продолжать дело своей жизни» [1, с. 395]. В 2010 г. чеченские историки Ш. А. Гапуров и А. В. Бакашов вновь повторили этот сюжет в научной публикации: «Байсунгур Беноевский, бывший наиб Шамиля... Он был с имамом до последнего и ушел из Гуниба, прорвавшись через окружение царских войск» [5, с. 109].

Говоря о тяжелых увечьях мужественного наиба – «одноглазого», «одноногого», «однорукого», – авторы, по всей видимости, не преувеличивают. Во всяком случае, мы располагаем надежными свидетельствами двух современников наиба – имама Шамиля и его сына Газимухаммада, записанными в июле-августе 1860 г. А. Руновским. В одном из них упоминается наиб беноевцев «Байсунгур по прозвищу "Биргез" (одноглазый, кривой)»¹, в другом – «важный человек... Байсунгур, отличавшийся знатностью рода и вместе с тем необыкновенным безобразием: рябой, одноглазый, с одной ногой, с одной рукой, искривленной в дугу»². По чеченским преданиям, «его привязывали к лошади кожаными ремнями, и не ведающий страха наиб, выхватывая единственной рукой шашку и сверкая единственным глазом, мчался в самую гущу врагов» [6, с. 228].

Возможно, этот драматический сюжет о чеченском наипе, который вырвался с осажденного Гуниба в августе 1859-го, получил широкое распространение после выхода в свет популярного исторического романа «Долгие ночи» чеченского писателя А. Айдамирова [3], хотя впервые он был опубликован у советского писателя П. А. Павленко в «Кавказской повести»³. Ранее этот сюжет в литературе не прослеживается. Любопытно, что П. А. Павленко в исторической повести «Шамиль» лишь в одном предложении упоминает об «одноглазом и одноруком наипе Беноя Бойсунгуре», который входил в состав «верховного штаба» имама после потери Чечни [7, с. 179]. В 1933 г. писатель выезжал в Дагестан для сбора материала, был в Гунибе. Но сюжет о чеченском наипе, бросающем упрек в спину «сдающегося в плен» имама, у него появится только в 1957 г.: «Если уйдет к ним [русским] – проклянем! – сказал Байсунгур... На одно мгновение задержал имам – под взглядом Байсунгура – коня у моста и затем смелым аллюром пронесся меж солдат и мюридов, дерущихся на мосту. "Проклят будешь Аллахом!" – Это крикнул Байсунгур, и острый, тонкий, плачущий крик его пронесся над многими» [2, с. 252]. Позднее, но без каких-либо ссылок, этот сюжет как исторический факт был введен в научный оборот чечен-

¹ Дневник полк. Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в г. Калуге с 1859 по 1862 г. В: АКАК. Тифлис; 1904. Т. 12. С. 1442.

² Там же.

³ *Новый мир*. 1957.

ским историком Долханом Хожаевым в несколько беллетризованном исследовании «Чеченцы в русско-кавказской войне» [6]. По Хожаеву, решение имама Шамиля выйти к кн. Барятинскому из осажденного Гуниба, «роковой шаг», сопровождалось «яростью и проклятием, брошенным вслед искалеченным наибом из Беноя» [6, с. 86].

По Д. Хожаеву, в 1839 г., в конце августа, «бежал потерпевший поражение в Дагестане, но увенчанный в Ахульго славой мужественного воина Шамиль со своей семьей и несколькими соратниками. Измученного имама Дагестана приютил у себя Байсунгур» [6, с. 227]. Ичкерийский Беной являлся одним из пунктов в цепи селений, по которым следовал разбитый имам: Ахульго – Артлух – Алмак – Зандак – Даттых – Беной – Ведено – Гуш-Керт. Мухаммед-Тахир аль-Карахи о пребывании имама Шамиля в Беное писал: «Остановились в селении Байян. Жители этого селения также чествовали и угощали их. Хозяин, принявший в гости Шамиля, даже приходил в Таттахи для того, чтобы пригласить его к себе в гости. Там после 20 раджаба родился Мухаммед Шафи, сын Шамиля. На седьмой день его рождения была принесена положенная жертва [зарезан в честь рождения баран]. Затем вышли из Байяна и остановились в селении Видан [Ведено]». М.-Тахир аль-Карахи писал о сделанных тогда имамом назначениях: «Когда Шамиль проходил по селениям Байян и Видану, с ним встретились известный храбрец Шуайб ац-Цамутури и Джавад-хан ад-Дарги... Шамиль поставил их наибам в тех двух округах...» [8, с. 121]. О том, что Джаватхан был назначен тогда наибом Беноя, пишет в своей хронике другой современник Иманмухаммад Гигатлинский [9, с. 116]. О Байсунгуре как о наibe Беноя или кунаке имама – ни слова. Вместе с тем, вне всякого сомнения, наиб Байсунгур являлся одним из активных участников сопротивления русским в Кавказскую войну.

«Важный человек» из Беноя: в документах не значится...

В настоящее время известна и опубликована значительная переписка имама Шамиля времен Кавказской войны, но здесь не встречается имя легендарного чеченца Байсунгура [10–13]. Имя Байсунгура не прослеживается и по русским источникам того времени. В 1838 г. ген.-л. Фезе выделял руководителей «непокорных чеченцев» Ичкерии (Мулла-Уди, Ташев-хаджи) и, называя Беной одним из центров Ичкерии, ни разу не упоминал имя Байсунгура. Не встречается его имя в русских источниках 1839 г. В частности, в рапорте от 10 мая 1839 г. ген.-л. Граббе военному министру гр. Чернышеву непокорный Беной был связан с именем Ташев-хаджи. Скорее всего, последний находил в Беное поддержку в лице Байсунгура. Его имя не встречается в российских источниках и 1840 г., когда поднялась практически вся Чечня. Он не упомянут в рапорте Граббе от 23 марта 1840 г., в котором перечислялись имена чеченцев, возглавивших восставшее Ичкеринское общество, «начавших усиливать свои партии, собирать аманатов, ружья и продовольствие, обязывать их общей

клятвою». Граббе называет руководителей восстания – «Ташев-хаджи, Шуаиб-мулла и Джевад-хан»⁴.

По А. Руновскому, Газимухаммад рассказал ему об одном случае, который несколько проясняет положение Байсунгура в имамате в последние годы. Он произошел незадолго до взятия русскими войсками Ведено в апреле 1859 г., когда «Шамиль получил известия, возбудившие в нем сомнение насчет верности Беноевцев; вследствие чего послал его с сильною партией к Беною... взять аманатом самого важного, самого нужного для беноевцев человека. Этим важным человеком *оказался* Байсунгур, отличавшийся знатностью рода...». «Оказался»? Трудно предположить, что имам Шамиль, отдавая этот приказ, не знал к тому времени, кто в Беное являлся «важным человеком». Байсунгур встретил приказ имама достойно: «Указывая на свои глаза, на руки и ноги, Байсунгур говорил Гази-Магомету: “Все эти раны и увечья я получил, сражаясь против русских, и теперь я уже больше никуда не гожусь. Подумай: не будет ли тебе стыдно, что ты возьмешь в аманаты такую дрянь? Возьми-ка лучше кого-нибудь другого, от кого можно ожидать проку больше, чем от меня”». Но и сын имама вел себя не менее достойно. Его ответ «заключал в себе и уважение к заслугам Байсунгура и тонкую лесть, весьма искусно связавшую наружное его безобразие с внутренними достоинствами и с причинами, от которых безобразие произошло. Вообще же, из слов Гази-Магомета, Байсунгур должен был заключить, что его следует считать самым красивым молодцом во всем Дагестане. Таким обращением Гази-Магомет вызвал со стороны Байсунгура большое к себе расположение». Инцидент был дипломатично исчерпан, сам имам Шамиль «объявил ему, что убеждаясь его словами, он не хочет лишить Беноевцев их храброго Наиба; но имея надобность взять от них аманата, он считает в этом звании Байсунгура, которого оставляет дома, вполне доверяя его чести»⁵.

По русским источникам, с начала апреля 1859 г. аманатов из селений, подозреваемых в нежелании воевать, забирали не только из Беноя. В «Журнале военных действий...» упоминаются ичкеринские аулы «Белетли, Саясан, Аллерой, Шуани и Гурдали», которые 9 мая прислали своих депутатов к «ген.-м. Кемферту с изъявлением покорности и просьбою о помощи против Кази-Магомы, который, явившись со значительною партией тавлинцев, требовал от них аманатов»⁶. На другой день ген.-м. Кемпферт двинулся со своим отрядом к аулу Гурдали, и Газимухаммад был вынужден отступить к Дарго. К 13 мая из 9 чеченских

⁴ Рапорт ген.-л. Фезе ген. Головину, 23 июня 1838 г.; Прокламация ген. Граббе к ичкеринскому народу, 1839 г.; Рапорт ген. Граббе гр. Чернышеву от 23 марта 1840 г. В: АКАК. Т. 9. С. 314, 422, 424.

⁵ Дневник полк. Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в г. Калуге с 1859 по 1862 г. В: АКАК. Тифлис; 1904. Т. 12. С. 1461–1462.

⁶ Журнал военных действий и занятий войск Левого крыла Кавказской линии с 6-го по 12-е мая 1859 г, представленный командующим войсками Левого крыла Кавказской линии ген.-л. гр. Евдокимовым, военному министру ген.-ад. Сухозанету, при рапорте 30 мая 1859 г. В: АКАК. Т. 12. С. 1140.

наибств имамата (Гехинское, Шалинское, Мичиковское, Ауховское, Ичкерийское, Чеберловское, Шубут, Нашхоевское и Шароевское) под властью имама не оставалось ни одного. Отдельные селения обществ Шарой, Шикарой и Чеберлой, а также селения Зандак, Энгеной и Беной отправили своих депутатов к командованию в июне и июле⁷. Генерал Евдокимов писал: «Теперь вся Ичкерия покорена и только в окрестностях Беноя в лесах осталась шайка абреков разных племен». Спустя месяц, по «Журналу военных действий...», о непокорности Беноя свидетельствовали не только «шайка абреков», но и все его жители. Согласно рапорту гр. Евдокимова, к 12 июня «почти все аулы Ичкерии прислали от себя ген.-м. Кемферту депутации с изъявлением совершенной покорности», но «жители аула Беной и нескольких хуторов, лежащих... по верховьям реки Аксай... не последовали общему примеру»⁸. Несомненно, во главе непокорных «жителей села Беной» находится «самый важный для беноевцев человек» Байсунгур, хотя его имя вновь в документе не упомянуто. Беноевцы были практически единственными в Ичкерии, оказавшими сопротивление русским летом 1859 г.

К тому времени, когда Беной продолжал сопротивляться, к середине июня 1859 г., имам Шамиль находился уже в Дагестане, в обществе Гумбет – на левом берегу Андийского Койсу, в укреплении Килатль [10, с. 674]. По Абдурахману из Газикумуха, отступающего из Чечни имама сопровождали, помимо членов семьи, совсем немного сподвижников: «Мухаджиры из Чиркея и им подобные, и солдаты, которые находились при нем в течение нескольких лет, перешедшие со стороны русских – пленные и перебежчики» [14, с. 49]. Имама, который уже в конце июля покидал Килатль, сопровождали двое чеченцев, «ревностный наиб Осман ал-Джулаки ал-Чачани и Садуллах ал-Каки (наиб Гехи)» [15, с. 161]. По Мухаммад-Тахир аль-Карахи, когда «все вилайеты Чечни, один за другим, подпали под власть русских, из жителей этих вилайетов никто не ушел с имамом, кроме одного наиба Османа и тех, кто был [ранее] с ним» [8, с. 244]. Наибом Османом, по Абдурахману из Газикумуха, являлся чеченский «наиб Усман из Жалка», которого «имам... любил за усердие при несении военной службы», но и он не находился в числе тех, кто поднялся с имамом на Гуниб в июле 1859 г. Когда «Шамиль покинул Чечню и перешел в Дагестан, этот наиб со своей семьей отправился с ним, но когда Шамиль поднимался на гору Гуниб, Шамиль вернул его с дороги к себе на родину, стыдясь за его большую семью и малых детей» [15, с. 75]. Другой наиб, гехинский «Садуллах ал-Каки», по Д. Хожаеву, расстался с имамом задолго до Гуниба и позже, в 1860-е гг., вместе с ген.-м. Мусой Кундуховым возглавил переселение чеченцев и ингушей в Турцию. По мнению Д. Хожаева, наиб Байсунгур мог присоединиться к имаму на Гунибе и несколько позже, когда «с родственниками, следуя своему обету газавата и присяге на верность имаму, двинулся на помощь Шамилю в горный Дагестан». Но это всего

⁷ Журнал военных действий и занятий войск Левого крыла Кавказской линии с 22-го по 29 июля. В: АКАК. Т. 12. С. 1155.

⁸ Там же. С. 1140, 1146.

лишь предположение, не подкрепленное автором источниками, как и другое его утверждение: «Шамиль покидает Чечню, вместе с ним уходит в горный Дагестан и непокорный Байсунгур со своим отрядом» [6, с. 85–86, 230].

Имам Шамиль, в апреле 1859 г. отступивший из Чечни в Дагестан, укрепившись в Гумбете, в конце июля был вынужден покинуть и эти позиции. В течение нескольких дней, преследуемый войсками и теснимый воинственно настроенным против него местным населением (ругуджинцы, куядинцы, телетлинцы), он буквально вырывался на Гуниб в ночь с 29 на 30 июля, а с 9 по 15 августа завершилась полная блокада Гуниба войсками по всей ее окружности (общим числом до 16 тыс. человек)⁹. Известен ряд письменных источников, сочинений местных дагестанских авторов – современников и непосредственных участников событий на Гунибе в августе 1859 г. (Абдурахман из Газикумуха, Гаджи Али из Чоха, Дибир Инквачилав, Мухаммад-Тахир ал-Карахи, Хайдарбек из Гиничутля) [8; 14–17]. Ни в одном из этих сочинений не упоминается имя чеченца Байсунгура – ни в числе тех, кто вырывался на Гуниб в ночь с 29 на 30 июля 1859 г., ни в числе тех, кто возможно, прорвался на Гуниб до завершения ее блокады, ни в числе тех, кто занимал ключевые позиции в обороне Гуниба, находился в «совете асхабов» имама или участвовал в сражении.

По словам наиба Дибера Инквачилава, осажденные на Гунибе горцы располагали небольшими силами, «двумя-тремястами людей, полуголодных и плохо вооруженных» [18, с. 316]. По Абдурахману из Газикумуха, войско имама на Гунибе составляло «менее трехсот воинов» [15, с. 165]. Гаджи Али не называет общее число мюридов на Гунибе, но упоминает, что имама из Ичичали на Гуниб сопровождали 40 мюридов [19, с. 63]. Мухаммед-Тахир аль-Карахи писал, что с вырвавшимся на Гуниб имамом Шамилем и его ближайшими сподвижниками было «около двухсот сражающихся ополченцев» [8, с. 248]. Практически каждый горец был на виду и на счету. «Затеряться» в их числе, тем более известному чеченскому наибу со своим отрядом в «30 сабель» было бы сложно.

По воспоминаниям гунибского наиба Дибера Инквачилава, при организации обороны Гуниба были учтены места, «которые внушали опасение и требовали постоянного наблюдения». Таковых, по его мнению, было семь: «Первое из них лежало против Ругуджи, два следующих – против Куяды (с запада), затем целых три со стороны Хоточа и Хиндаха и, наконец, последнее – со стороны нижнего уступа, где теперь расположено русское укрепление» [18, с. 311]. По местным источникам поименно известно, кому была поручена охрана подступов к Гунибу, и кто находился на его укрепленных позициях – Байсунгура в их числе нет. Один из куядинских подъемов занимал «кудалинец Амирасул Магома с 7 мюридами», другой – двоюродный брат Шамиля Ибрагим с 5 мюридами. Над ругуджинским подъемом позиции занимал «уркачинец Муртаза с 20 мюри-

⁹ Всеподданнейшие донесения Главнокомандующего Кавказскою армией о военных действиях в Нагорном Дагестане в 1859 г. и пленении Шамиля. В: *РГВИА*. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6696. Л. 27 об.

дами» [15, с. 166]. Один из хоточинских подъемов был поручен сыну имама Газимухаммаду с 25 мюридами, другой – чохцу Муса-Хаджияву с 5 мюридами, хиндахский подъем занимали 4 гунибцев. Наиболее вероятный пункт нападения русских, подъем с нижней террасы Гуниба, был укреплен завалом со 124 бойницами и 4 орудиями. обороной этого важнейшего пункта руководил сам имам Шамиль со 40 мюридами («которые к ночи уменьшались до 15, так как были еще другие места, требовавшие ночных караулов») [18, с. 311–316]. Чеченский наиб не упомянут ни у одного автора в числе защитников Гуниба, тогда как каждый мюрид-воин был на счету.

К 15 августа, когда кольцо блокады Гуниба уже замкнулось, на вопрос имама, «известна ли ему точная цифра людей, на которых мы можем положиться», гунибский наиб Инквачилав ответил: «Всех людей, более или менее пригодных для обороны, у нас только 322 человека, из коих 247 – жители Гуниба, а 85 – муриды и пришлые из разных частей Дагестана». В распоряжении гунибского наива находились еще «33 беглых солдата, которые употреблялись только на работы завалов», о которых позже с некоторым сожалением вспоминал: «Несмотря на мои настояния, Шамиль не решился дать им оружие» [18, с. 316]. В общей сложности расклад имеющихся в наличии сил по основным диспозициям укрепления, выполненный гунибским наибом Инквачилавом, давало число защитников в 116 человек. К ним также следует прибавить «половину гунибского населения», которых Инквачилав выделял отдельно (они занимали хоточинские и хиндахские подъемы).

По Абдурахману из Газикумуха, наива Байсунгура нет в числе членов «совета асхабов» имама, созданного на обсуждение ультиматума главнокомандующего 21 августа. Абдурахман поименно перечисляет «товарищей-приверженцев» имама, с которыми тот держал совет: «серьезным ученым хаджи Ибрагимом – мухаджиром из Абадзеха, любимцем имама в Дарго; ученым мухаджиром хаджи Насруллахом Кюринским из Кемира; мухаджиром хаджи Хайруллахом из Герата, ученым Хаджиали, сыном Малика из Чоха, старым наибом мухаджиром Микий Муртазаали из Чиркея, наибом Дибиром Аварским, и другом имама с малых лет мухаджиром Юнусом из Чиркея» [15, с. 167]. По Инквачилаву, имя Байсунгура также не упомянуто в числе тех, кто входил на осажденном Гунибе в «совет около 10 человек, наиболее известных и почитаемых» [18, с. 301, 308]. Между тем советский писатель П. А. Павленко в своей повести «Шамиль» смело ввел Байсунгура в «совет асхабов», правда, значительно сократив его число: «Дебир Андийский, да Дебир Хунзахский, Нур-Магомет Согратлинский, одноглазый и однорукий Байсунгур Беноевский да два сына – вот весь его штаб» [7, с. 142].

Не встречается имя Байсунгура в многочисленной русскоязычной мемуарной литературе и официальных источниках, описывающих переговорный процесс уже собственно на Гунибе¹⁰. Выход имама Шамиля к кн. Барятинскому

¹⁰ См., напр.: [20–30]; Отношение ген.-адъют. кн. Барятинского военному министру ген.-адъют. Сухозанету от 27 августа 1859 г. В: АКАК. Т. 12.

подробно описан у очевидцев как с той, так и с другой стороны. В частности, у горцев, непосредственно присутствовавших при этом событии, – у Гаджи-Али, Абдурахмана, Инквачилава. Вновь ни один из них не упоминает наиба Байсунгура. Другое широко известное предание о том, что «после того, как Шамиль сдался в плен, Байсунгур, прорвав окружение, ушел в Чечню» [6, с. 232], не выдерживает никакой критики. Даже не обращаясь к источникам – достаточно иметь представление о горе Гуниб, ландшафте Верхнего Гуниба, расположении на нем маленького одноименного аула Гуниба и количестве войск, о 10 тыс. человек, замкнувших его в плотное кольцо [23, с. 292–293].

Калужская переписка имама Шамиля: что приписывается Байсунгуру

Спустя год после событий на Гунибе, в Калуге в августе 1860 г. в семье имама вспоминают Байсунгура. Связано это было с возвращением из поездки в Дагестан сына имама Газимухаммада, который привез с собой «из Кавказа разные новости», в числе которых «некоторые подробности о последних событиях в Ичкерии и Чечне»¹¹. К тому времени, весной 1860 г., в Ичкерии вспыхнуло восстание горцев, и его центром стало селение Беноей. Его жители (до 280 семей) не желали мириться с их насильственным переселением на равнину. За проявленную ими непокорность в мае – июле 1859 г. власти отправили против них карательную экспедицию, беноевцы приготовились к защите своего селения, во главе их стоял бывший наиб имама – Байсунгур [5, с. 109]. В рассказе о беноевских событиях Газимухаммад вспоминал об «известном наибе Байсунгуре, решившемся умереть, но не сдаваться». Имам Шамиль подтверждал: «Я его хорошо знаю, он ни за что не изменит своему слову»¹².

По А. Руновскому, в то же время имама в Калуге посетил ашильтинский старшина Магомет Нуричаев, который в рассказе о беноевских событиях назвал «руководителями этих движений трех бывших наибов Шамиля – Байсунгура, Атабая и Умму»¹³. В связи с событиями ичкерийского восстания 1860 г. Д. Хожаев в своем исследовании привел еще одно безосновательное предание, в котором вновь были противопоставлены наиб Байсунгур и «бывший» имам. Согласно этому преданию, «бывший имам Шамиль по настоянию царя написал ему [Байсунгуру] письмо, укоряя в том, что тот напрасно губит людей в безнадежной борьбе, ибо силы царя неисчислимы. Байсунгур послал Шамилю ответ, в котором со свойственной ему резкостью и прямоотой заявил, что Шамиль опозорил себя навеки тем, что променял борьбу за свободу на плен и рабство, и что он, Байсунгур, пока жив, будет сражаться за свободу своего народа» [6, с. 232].

¹¹ Дневник полк. Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в г. Калуге с 1859 по 1862 г. В: АКАК. Тифлис; 1904. Т. 12. С. 1454.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 1461.

Надо заметить, что об этом обличительном письме наиба к имаму известно только по приведенному выше преданию. Между тем вся калужская переписка имама Шамиля, военнопленного (а она контролировалась), прослеживается по архивному фонду канцелярии Калужского губернатора (ГАКО), поскольку по «Инструкции приставу о надзоре за Шамилем» от 9 октября 1859 г. «все письма, которые будут получаться в Калуге на имя Шамиля или его семейства пристав обязан доставлять чрез начальника губернии, в Петербург к военному министру, равно как и письма, которые от Шамиля или его семейства будут посылаемы на Кавказ, должны быть тем же путем доставляемы в Петербург»¹⁴. Таким образом, известна вся калужская переписка «бывшего» имама с бывшими чеченскими наибами и руководителями ичкерийского восстания – ссыльными Атабаем и Уммой Дуевым (она датирована 1862–1868 гг.)¹⁵, но какая-либо переписка с Байсунгуром в ней отсутствует. Также известно, что имам Шамиль категорически отказывался принимать тайные письма со стороны: «В июле месяце 1861 г. сын Шамиля Кази Магома, прогуливаясь возле своего дома, встретил неизвестного казанского татарина... который поспешно вручил ему письмо... из Константинополя... содержание его слишком важно и секретно, чтобы доверить его почте»; когда Газимухаммад принес это письмо к отцу, тот «сделал ему выговор за принятие корреспонденции без посредства пристава» и отдал письмо последнему [приставу] [31, с. 121].

Заключение

Как уже упоминалось, в русских источниках имя Байсунгура впервые появится лишь в мае 1860 г., в связи со вспыхнувшими волнениями в Чечне. Из переписки о восстании в Ичкерии в мае 1860 г. канцелярии начальника Терской области: «В мае месяце, подстрекаемые Байсунгуром к новому неповиновению, бежали из разных аулов обратно в Беной. Байсунгур принял над ними начальствование, поставив одного из них, Султан Мурата, наибом, и начал явно подстрекать к восстанию жителей других аулов, посылая зачинщикам чалмы желтого цвета, означавшие власть наиба, провозглашая себя имамом» [41]. Но имя «наиба-имама» Байсунгура не успеет в них «примелькаться», поскольку восстание вскоре будет подавлено. 16 февраля 1861 г. Байсунгур был схвачен. О его пленении, случившимся в результате короткого сражения, в рапорте от 18 февраля 1861 г. начальник войск Зандакского наибства майор Муравьев писал: «Узнав, наконец, положительно через доверенных мне лиц и лазутчиков о месте пребывания Байсунгура, Султан Мурата с их шайками... я выступил 16-го числа... Они были тотчас сбиты, оставив одного раненного и двух пленных, в том числе Байсунгура, виновника возмущения»¹⁶. 20 марта 1861 г. глав-

¹⁴ Инструкция приставу о надзоре за Шамилем, 9 октября 1859 г. В: ДГСВК. Док. № 436.

¹⁵ Канцелярия калужского губернатора. Переписка имама Шамиля. В: ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 1058. Л. 92–129; Д. 2017. Л. 16–17.

¹⁶ Переписка о восстании в Ичкерии в мае месяце 1860 г. Канцелярия начальника Терской области. В: ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 317. Л. 3.

нокомандующий Кавказской армией кн. А. И. Барятинский издал приказ по армии: «Беновский житель Байсунгур, по суду произведенному на основании Полевых Уголовных Законов, оказался виновным: в измене русскому правительству, произведения возмущения между ичкеринцами и другими горцами, с целью отложиться от подданства России и в упорном сопротивлении с оружием в руках при взятии его нашими войсками; а потому я подтвердил: подсудимого Байсангура “казнить смертью – повесить”, – о чем объявляю по войскам Кавказской армии» [5, с. 115]. Приговор был приведен в исполнение в с. Хасав-Юрт, тело тайно предано земле.

Таким образом, «исторический» факт присутствия наиба Байсунгура на Гунибе в августе 1859 г. выступает не более чем поздним вымыслом авторов второй половины XX в., поскольку предание не находит подтверждения ни в местных, ни в российских источниках XIX в.

В силу того что рассмотренная в настоящей статье мифологема времен Кавказской войны, содержащая откровенный оскорбительный подтекст по отношению к имаму Шамилю, – приписываемое Байсунгуру обвинение имама в трусости и предательстве – не являлась предметом отдельного исследования историков, она продолжает тиражироваться в массовом сознании, кочуя по различным публикациям, в том числе научным и учебным изданиям. В частности, в одной из таких работ по истории ислама в России, вышедшей в 2019 г., о последних августовских днях имама на Гунибе в 1859 г. сообщается следующее: «Старый шейх принял решение сдаться в плен. Лишь часть его людей последовала его примеру, многие предпочли смерть плену. Кто-то бросился вниз с горы, но предание чеченского народа сохранило сюжет, согласно которому один из его верных наибов, потерявший в боях глаз, руку и ногу, Байсангур из аула Беной, повел оставшихся людей на прорыв и сумел вырваться из окружения» [32, с. 140].

Мифологемы, как продукт «массового сознания общества», очень живучи. Но это уже предмет другого исследования.

Список сокращений

- АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
ГАКО – Государственный архив Калужской области
ЦГА РСО – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания
ДГСВК – Движение горцев Северо-Восточного Кавказа

Литература

1. Ахмадов Ш. Б. (ред.) *История Чечни с древнейших времен до наших дней*. Грозный: Грозненский рабочий; 2013. Т. 3.
2. Павленко П. А. *Кавказская повесть*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство; 1966.
3. Айдамиров А. *Еха буййсанаиш = Долгие ночи*. 2-е изд. Грозный: Книга; 1972.

4. Гасаналиев М. *Первая Кавказская война (1817–1864)*. 2-е изд. Махачкала; 2011.
5. Гапуров Ш. А., Бакашов А. В. Восстание в Ичкеринском округе Чечни в 1860–1861 гг. (Бенойское восстание). *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2010;(1):109–116.
6. Хожаев Д. А. *Чеченцы в русско-кавказской войне*. Грозный: Седа; 1998.
7. Павленко П. А. *Шамиль*. Махачкала: Даггосиздат; 1942.
8. Барабанов А. М. (пер.), Крачковский И. Ю. (ред.). *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля*. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1941.
9. Айтберов Т. М., Дадаев Ю. У. *Хроника Иманмухаммада Гизатлинского об истории имамата*. Махачкала: Формат; 2010.
10. Гаджиев В. Г., Рамазанов Х. Х. (сост.). *Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство; 1959.
11. Шарафутдинова Р. Ш. (пер.). *Арабоязычные документы эпохи Шамиля*. М.: Восточная литература; 2001.
12. Омаров Х. А. (пер.). *100 писем Шамиля*. Махачкала: ДНЦ РАН; 1997.
13. Гаджиев В. Г. (ред.). *Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля*. М.: Эхо Кавказа; 2005.
14. Абдурахман ал-Газикумуки. *Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля (Калуга, 1281 г.х.)*. М.: Восточная литература; 2002.
15. Абдурахман из Газикумуха. *Книга воспоминаний саййида Абдурахмана*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство; 1997.
16. Барабанов А. М. (пер.). *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля*. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1941.
17. Геничутлинский Х. *Историко-биографические и исторические очерки*. Махачкала; 1992.
18. Алиханов М. Последние дни муридизма и падение Гуниба по рассказам горцев. В: Алиханов М. *В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев (1895–1896 гг.)*. Махачкала: Эпоха; 2005.
19. Гаджи Али. *Сказание очевидца о Шамиле*. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы; 1990.
20. Шульгин С. Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках. В: *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис; 1903. Вып. 32. С. 10–24.
21. Стреллок Н. Н. Из дневника старого кавказца. *Военный сборник*. 1870;(11).
22. Зиссерман А. Л. Очерк последних военных действий на Восточном Кавказе. *Современник*. 1860;(7).
23. Зиссерман А. Л. *Фельдмаршал князь А. И. Барятинский (1815–1879)*. М.: Университетская типография; 1890. Т. 2.
24. Волконский Н. А. Окончательное покорение Кавказа (1859-й год). В: *Кавказский сборник*. Тифлис; 1879. Т. 4. С. 65–436.
25. Захарова Л. Г. (ред.). *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин (1856–1860)*. М.: Росспэн; 2004.
26. Солтан В. На Гунибе в 1859 и 1871 гг. *Русская старина*. 1892;23(5):391–418.
27. Богуславский Л. А. *История Апшеронского полка. 1700–1892*. СПб.; 1892. Т. 2.
28. Козубский Е. И. *История Дагестанского конного полка*. Петровск; 1909.
29. Орлов-Давыдов А. Частное письмо о взятии Шамиля. *Русский архив*. 1869;7(6):1045–1063.
30. Аноев А. Из кавказских воспоминаний. *Исторический вестник*. 1906;(9).

31. Козубский Е. И. К истории Дагестана. *Русский архив*. 1896;34(9):101–131.
32. Мухетдинов Д. В. *История ислама в России*. М.: Садра; Медина; 2019.

References

1. Akhmadov Sh. B. (ed.) *History of Chechnya from the Ancient times*. Grozny: Groznenskii rabochii; 2013. Vol. 3. (In Russ.)
2. Pavlenko P. A. *The Caucasian tale*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo; 1966. (In Russ.)
3. Aidamirov A. *The long Nights*. 2nd ed. Grozny: Kniga; 1972. (In Chechen)
4. Gasanaliyev M. *The First Caucasian War (1817–1864)*. 2nd ed. Makhachkala; 2011. (In Russ.)
5. Gapurov Sh. A., Bakashov A. V. Revolt in Ichkeria district of the Chechen republic in 1860–1861 (Benojsky revol). *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2010;(1):109–116. (In Russ.)
6. Khozhaev D. A. *Chechenians in in the Russo-Caucasian War*. Grozny: Seda; 1998. (In Russ.)
7. Pavlenko P. A. *Shamil*. Makhachkala: Daggosizdat; 1942. (In Russ.)
8. Barabanov A. M. (transl.), Krachkovskii I. Yu. (ed.). *Muhammad tahir al-Qarahi. The Daghestani Wars during the Reign of the Imam Shamil. A Chronicle*. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR; 1941. (In Russ.)
9. Aitberov T. M., Dadaev Yu. U. *Imanmuhammad of Gigatli. The History of Imamate. A Chronicle*. Makhachkala: Format; 2010. (In Russ.)
10. Gadzhiev V. G., Ramazanov Kh. Kh. (eds). *The political activity of the population in the North-East Caucasus in 1820–1850s*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo; 1959. (In Russ.)
11. Sharafutdinova R. Sh. (transl.). *A Collection of documents written in Arabic from the period of Imam Shamil*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2001. (In Russ.)
12. Omarov Kh. A. (transl.). *Imam Shamil. One hundred letters*. Makhachkala: DNTs RAN; 1997. (In Russ.)
13. Gadzhiev V. G. (ed.). *The liberation war of the people of Daghestan and Chechnya under the leadership of Imam Shamil*. Moscow: Ekho Kavkaza; 2005. (In Russ.)
14. Abdurrahman al-Ghazikumukhi. *A concise account of the acts regarding Imam Shamil (The city of Kaluga 1281 AH)*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2002. (In Russ.)
15. Abdurrahman of Ghazikumukh. *Memoirs of Seyyid Abdurrahman*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo; 1997. (In Russ.)
16. Barabanov A. M. (transl.). *Muhammad Tahir al-Qarahi. The Daghestani Wars at the time of Imam Shamil. A Chronicle*. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR; 1941. (In Russ.)
17. Genichutlinskii Kh. *A collection of historical and biographical essays*. Makhachkala; 1992. (In Russ.)
18. Alikhanov M. The Eve of the *murid* movement and the siege of Ghunib as related by the peoples of Caucasus. In: Alikhanov M. *In the Mountains of Daghestan. Travel accounts and the tales of the local population (1895–1896)*. Makhachkala: Epokha; 2005. (In Russ.)
19. Gadzhi Ali. *An eye-witness account on Imam Shamil*. Makhachkala: Institute of History, Archaeology and Ethnography, the Gamzat Tsadasa Institute of Linguistics, Literature and Art. 1990. (In Russ.)

20. Shulgin S. An eye-witness account on Shamil and his contemporaries. In: *A collection of sources regarding the peoples and states in Caucasus*. Tiflis; 1903. Iss. 32. Pp. 10–24. (In Russ.)
21. Strellok N. N. From the former Caucasian War soldier's diary. *Voennyy sbornik*. 1870;(11). (In Russ.)
22. Zisserman A. L. An account regarding the last military actions in the Eastern Caucasus. *Sovremennik*. 1860;(7). (In Russ.)
23. Zisserman A. L. *Field Marechal Count A.I. Baryatinsky (1815–1879)*. Moscow: Universitetskaya tipografiya; 1890. Vol. 2. (In Russ.)
24. Volkonskii N. A. The final conquest of Caucasus In: *Kavkazskii sbornik*. Tiflis; 1879. Vol. 4. Pp. 65–436. (In Russ.)
25. Zakharova L. G. (ed.). *Memories of Field Marshal Count Dmitry Milutin (1856–1860)*. Moscow: Rosspen; 2004. (In Russ.)
26. Soltan V. On the Ghunib in 1859 and 1871. *Russkaya starina*. 1892;23(5):391–418. (In Russ.)
27. Boguslavskii L. A. *History of the Apsheron Regiment 1700–1892*. St Petersburg; 1892. Vol. 2. (In Russ.)
28. Kozubskii E. I. *History of the Daghestan Cavalry Regiment*. Petrovsk; 1909. (In Russ.)
29. Orlov-Davydov A. A private letter regarding the capture of Shamil. *Russkii arkhiv*. 1869;7(6):1045–1063. (In Russ.)
30. Anoev A. A page from memoires about Caucasus. *Istoricheskii vestnik*. 1906;(9). (In Russ.)
31. Kozubskii E. I. Some aspects of the history of Daghestan. *Russkii arkhiv*. 1896;34(9):101–131. (In Russ.)
32. Mukhetdinov D. V. *History of Islam in Russia: text book*. Moscow: Sadra; Medina; 2019. (In Russ.)

Информация об авторе

Тахнаева Патимат Ибрагимовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Patimat I. Takhnaeva, Ph. D (Hist.), Senior Research Fellow, the Centre for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga Region of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22 февраля 2019 г.
 Одобрена рецензентами: 25 апреля 2019 г.
 Принята к публикации: 7 мая 2019 г.

Article info

Received: February 22, 2018
 Reviewed: April 25, 2019
 Accepted: May 7, 2019